

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ (ОСЕТИНСКИЙ И ПЕРСИДСКИЙ)

Э. Б. Сатцаев

Осетинский язык — представитель восточной группы иранских языков, которой принадлежали языки древнего населения Южной России и прилегающих областей Средней Азии, населенных племенами, известными под именем скифов, сарматов, массагетов, саков, аланов, роксалан и др. [1, 305-308]

Осетинский язык очень рано отделился от других иранских языков, в то время как другие иранские языки активно взаимодействовали между собой.

На базе древнеиранского праязыка **осетинский язык** сформировал весьма оригинальную грамматику, во многом отличающуюся от других иранских языков. Большой интерес представляет склонение имен существительных в осетинском языке. В системе склонения имен основной словоизменительной или морфологической категорией является категория падежа. Синтаксические отношения между словами выражаются, главным образом, формами самих слов, а также послелогами и предлогами [2, 536-588].

Образование падежных форм в осетинском языке происходит путем присоединения падежных окончаний к основе слова, совпадающей с формой именительного падежа единственного числа. Всего в осетинском языке девять падежей. По вопросу о количестве падежей в осетинском языке среди ученых нет однозначного мнения, и разные исследователи насчитывают их от восьми до десяти [3, 329-339]. В данной

статье мы не ставим перед собой задачу решения этого вопроса, для нас важно то, что осетинская падежная система сформировалась на базе древнего осетинского материала [3, 328].

Падежные окончания являются общими для единственного и множественного числа. Во множественном числе между основой и падежным окончанием вставляется постоянный показатель множественности — *t*. Склонение в осетинском языке агглютинативное. Грамматические отношения выражаются именительным, родительным и дательным падежами. Местные — внешний, местный внутренний, направительный, отложительный и совместный — падежи обычно выражают локативные отношения, но отчасти могут выражать и грамматические отношения. Уподобительный падеж оформляет адвербиальные отношения.

Дигорский диалект осетинского языка по количеству падежей уступает иронскому диалекту на одну единицу. В отличие от иронского диалекта в дигорском отсутствует совместный падеж. Совместность в дигорском диалекте выражается при помощи послелога *хæссæ* 'с' вместе, который имеет иранское происхождение [4, 151].

Из осетинских падежей три — именительный, отложительный и местный внутренний — надежно возводятся к иранским прототипам. Остальные падежи считаются новообразованием. Возникновение столь сложной и несколько необычной для

новоиранских языков падежной системы большинство ученых склонны объяснять влиянием кавказских языков. К такому мнению обычно склонялся и корифей осетинovedения В. И. Абаев [5, 99-101]. Однако подобная точка зрения не находит должного обоснования. В восточнoгoрских кавказских языках количество падежей часто исчисляется десятками, и они или подобные им языки, скорее всего, не могли служить субстратными в процессе формирования осетинской падежной системы.

Несколько схожей с осетинской падежной системой может рассматриваться таковая в современном грузинском языке, где налицо 7 падежей. Многие из этих падежей еще не были известны древнегрузинскому литературному языку и сложились в последующих образованиях в последние столетия.

Существенное разнообразие наблюдается в падежной системе и других картвельских языков и диалектов, из чего следует, что картвельский материал также не может служить сравнительной базой для осетинской падежной системы.

Из девяти семь осетинских падежей имеют иранское происхождение и либо отражают древние падежи, либо возникают на базе иранского материала [6, 152]. Осетинские падежи частью, возможно, унаследованы от древности, но большей частью, однако, вновь образованы путем присоединения послелогов к основе, совпадающей с именительным падежом единственного числа [7, 77-83].

Осетинские падежи таковы:

- а) именительный.
- б) родительный.
- в) дательный
- г) винительный.
- д) направительный
- ж) местный внутренний
- з) местный внешний
- и) союзный (ирон).
- й) уподобительный.

Наиболее ярким примером формирования нового падежа в последний период является совместный падеж, который отсутствует в дигорском диалекте. Этот падеж

образован при помощи окончания, которое возникло на базе наречия *iwta*, что означает 'вместе'. Следовательно, и в данном случае этот падеж связан с живым осетинским языком. Получается, что восемь из девяти осетинских падежей имеют более или менее надежные иранские соответствия, и развитие падежной системы происходило по внутренним законам развития осетинского языка на собственной иранской базе.

Падежами прямого объекта являются родительный и именительный, в зависимости от категории лица/нелица, что сближает осетинский в частности с славянскими языками [6, 152-155]. Из анализа осетинских именных флексий мы можем сделать следующие заключения:

— осетинский среди иранских языков наиболее богат снабжен падежными формами;

— из древнеиранских падежей какая-то часть в осетинском языке утратила свои суффиксы;

— два падежа — дательный и местный внешний — приобрели свои окончания из местоименного склонения;

— два падежа — союзный и адессивный — являются новообразованиями.

В персидском языке грамматическая категория падежа полностью отсутствует. Вместо падежных форм используется главным образом:

а) синтаксические средства

б) предлоги;

в) послелог *rā* изафетная конструкция служащая для выражения атрибутивных отношений [8, 111, 195-201].

Большое значение имеет также порядок слов.

Персидские предлоги делятся на две группы: 1) первичные или основные; 2) вторичные или отыменные или изафетные. Подавляющее число персидских предлогов имеют иранский генезис.

Послелог *rā* исторически восходит к древнеперсидскому *rādi*, что означает 'ради', 'из-за'. Основной функцией послелога является обозначение прямого объекта, причем конкретного, определенного. Когда речь идет о предмете вообще, то есть как

о представителе всего вида, класса, прямой объект не получает никакого оформления. В этом случае особенность семантики персидского послелога *rā* схожа с винительным падежом осетинского языка [3, 339].

В персидском языке основным средством связи существительного с определяющим его словом является изафет. Изафет или изафетные конструкции в языках — это такое атрибутивное сочетание, в котором определение помещается позади определяемого слова, оформленного при этом особым постпозитивным безударным показателем. Изафетный показатель восходит, как предполагают, к древнему относительному местоимению мужского рода (ав. *uā*, др. перс. *huā*). В данном случае значение этого показателя совпадает с осетинским словом *кацы*, означающим 'который'. То есть развитие именно этого показателя семантически полностью совпадает с аналогией осетинского варианта [8, 111].

Как мы ранее уже упоминали, в древнеиранских языках падежная система была весьма развита. К сожалению, у нас нет достаточно материала по древнеиранским языкам — связанные тексты имеются по авестийскому и древнеперсидскому языкам [9, 24-36]. Но ни в авестийском, ни в древнеперсидском языке нельзя найти ни одного слова, которое было бы зафиксировано в текстах во всех падежах. При изменении имен по числам и падежам нам приходится использовать различные слова, так как нет таких слов, которые имеют всю парадигму изменений.

В авестийском и в древнеперсидском языке налицо восемь падежей [9, 28-36]:

- 1) именительный
- 2) винительный
- 3) родительный
- 4) дательный
- 5) отложительный
- 6) инструментальный
- 7) местный
- 8) звательный.

Исходя из сведений древних историков, скифы (саки) и персы разговаривали на весьма сходных языках и хорошо понимали друг друга [10, 29]. Очевидно, падежная

система в скифском языке мало отличалась от таковой в авестийском и древнеперсидском языках. Эта близость во многом компенсирует отсутствие связанных текстов на скифском языке.

Западные среднеиранские языки, в частности среднеперсидский, характеризуется отсутствием грамматической категории падежной системы. На ранней стадии развития среднеперсидского языка существовала двухпадежная система склонения имен: прямой падеж с нулевой флексией и косвенный с показателем *у е*. В среднеперсидском языке позднего периода противопоставления прямого и косвенного падежей уже не существует, и в текстах этого периода наличие обозначений косвенного падежа не имеет какого-либо грамматического значения [4, 58-60].

В восточноиранских языках среднего периода — в согдийском и хорезмийском — падеж сохранялся. В согдийском языке налицо шесть падежей [4, 421-429]:

- 1) номинатив
- 2) аккузатив
- 3) вокатив
- 4) денитив — датив
- 5) облатив
- 6) локатив.

При этом множественное число согдийского языка имело двухпадежную систему склонения.

В хорезмийском языке также сохранялся падеж. В этом языке различается три падежа:

- 1) номинатив
- 2) генетив
- 3) облатив.

Среднеиранский период осетинского (аланского) языка представлен письменными памятниками весьма скудно. Но и их оказывается вполне достаточно, чтобы иметь полное представление об осетинском (аланском) языке среднеиранского периода. Есть все основания полагать, что осетинский язык имел сравнительно хорошо оформленную письменность на основе греческой графики [1, 166-167]. Восточноиранские языки, так же как и западноиранские, были относительно близки друг

другу, но в этот период восточноиранские языки резко противопоставляются современному им западноиранским языкам. Сравнение морфологической структуры восточно-и западноиранских языков показывает, что древняя флективная система в первых оказалась устойчивее. Если некоторые западноиранские языки вследствие распада флексии утратили грамматическую категорию склонения, то иное положение мы имеем в языках восточноиранской группы. Во всех известных восточноиранских языках среднего периода хорошо сохранилась система флективного склонения, представляющая редукцию древнеиранской системы. Исторический материал по аланскому (осетинскому) языку также скуден, но он позволяет сделать вывод о том, что аланский (осетинский) язык обладал категорией склонения, аналогичной таковой в других восточноиранских языках. Историки часто отмечали

особо тесную близость аланского (осетинского), согдийского и хорезмийского языков. Очевидно, что грамматический строй в этих языках во многом совпадал.

Исходя из общего сравнительного анализа, мы можем сделать заключение:

— осетинский язык среди новоиранских языков наиболее богато снабжен падежными формами;

— осетинские падежи большей частью не являются прямым продолжением древнеиранской падежной системы;

— осетинский язык большей частью выработал новую систему падежных окончаний;

— современная система склонения осетинского языка относится к агглютинативному типу, во многом подобно славянским, тюркским и др. языкам;

— большинство иранских языков полностью или частично утратило грамматическую категорию склонения.

-
1. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
 2. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
 3. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
 4. Среднеиранские языки. М., 1981.
 5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. 1.
 6. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
 7. Миллер В. Ф. Язык осетин. М.-Л., 1962.
 8. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М., 1982.
 9. Языки Азии и Африки. — Индоевропейские языки. Иранские языки. Дардские языки. — Дравидийские языки. М., 1978.
 10. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.